

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

С. В. Володина*

Правопорядок и революционный социум 1917 г.: политико-правовые аспекты

Аннотация. В статье, посвященной 100-летию революции в России, исследуются политико-правовые аспекты произошедших трансформаций. Актуальность публикации определяется необходимостью анализа взаимовлияния меняющегося сознания социума, роста правовой грамотности населения, негативной оценки правоприменительной практики и рисков революционных процессов. В статье осуществляется попытка обоснования взаимосвязи права и революции. Может ли вообще революция находиться в рамках правового поля и если это две взаимоисключающие категории, то почему так сильно взаимовлияние между ними? Также в работе затрагивается тема социума во времена политико-правовых потрясений, настроения которых сопровождаются революционным подъемом и, как правило, завышенным кредитом доверия, что непосредственно имеет взаимосвязь с накопленной усталостью от старых порядков. Данная конструкция: право, революция, социум — рассматривается автором не только на основе революции в России 1917 г., но и с учетом богатой зарубежной революционной практики.

Ключевые слова: право, порядок, революция, естественные права, социум, политическая система, доверие.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.82.9.011-017

Им нужны великие потрясения,
нам нужна великая Россия!
П. А. Столыпин

Революции походят на шахматную игру, где пешки могут
погубить, спасти короля или занять его место.
П. Буаст

Как известно, право выступает важнейшим и уникальным регулятором отношений, формирующихся и развивающихся в обществе, существует неразрывно с функционированием государства. Трансформации, происходящие в социально-политических систе-

мах, в том числе отличающиеся радикальностью, особым образом сказываются на правовом бытии общества. Речь идет о революциях — процессах, не просто «переворачивающих» социальную жизнь, а ломающих основания и каркас общественно-политических

© Володина С. В., 2017

* Володина Светлана Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Lana1331@mail.ru

125993, Россия, г. Москва ул. Садовая-Кудринская, д. 9

систем, меняющих отношения к институтам и ценностям.

Тема революции уникально связана с идеей права, но эта связь амбивалентна и определяется противоположными смыслами и значениями. Неоднозначность состоит в том, что у некоторых исследователей революция выступает процессом, который через свои лозунги и идеологию провозглашает путь к «правовой весне» — справедливым законам, реализации прав, открывающая доступ к более прогрессивным правовым ценностям или возвращая к прежнему порядку. Последнее утверждение иллюстрируется примером из мировой истории революций. Так, философ и политик Э. Берк, характеризуя английскую революцию 1688 г., пишет: «Революция была совершена, чтобы сохранить наши старинные неоспоримые законы и свободы и ту старинную конституцию правления, которая только и является нашей гарантией для закона и свободы»¹. В правовых системах стран, претерпевших революционный коллапс, не были заложены принципы, легитимирующие революцию и предоставляющие правовые основания для социально-политических трансформаций. Революция выступает антиправовым явлением, власть меняется не по установленным действующим законодательством правилам и нормам.

Исторически сложилось так, что именно страны, пережившие революции, имеют сейчас в своем законодательстве статьи, провозглашающие право на восстание, например, в преамбуле Декларации независимости США 1776 г. указывается: «Люди склонны скорее сносить пороки до тех пор, пока их можно терпеть, нежели использовать свое право упразднить правительственные формы, ставшие для них привычными. Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным

деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа»².

Для революции право нужно намного больше, чем это могло бы показаться на первый взгляд. Ведь порой не так сложно прийти к победе, как обосновать, для чего вообще была нужна война. И если на внешнеполитическом уровне все более или менее кажется понятным: отстаивание границ, суверенитета и т.д., такие потрясения даже объединяют перед фактом внешних угроз, то любые волнения, происходящие внутри страны, зачастую в будущем оцениваются негативно. Поэтому еще вчерашние революционеры понимают, что, свергнув одно правление с его законами, им нужно будет опираться не только на свой электорат, но и на право, которое бы и впредь оправдывало их деяния. Ярчайшим примером могут служить закон, рожденный Буржуазной революцией во Франции, и Декларация прав и свобод человека и гражданина 1789 г. В статье 2 данного документа появляется «право на сопротивление угнетению в качестве одного из естественных и неотъемлемых прав человека, наряду со свободой, собственностью и безопасностью»³. В дальнейшем Декларация только усилила свои позиции и легла в основу действующей Конституции Франции (1958 г.), что означает, что ограничение либо нарушение норм Декларации является неконституционным.

Узаконенное право на восстание есть способ легализации власти тех, кто пришел к ней в результате революции. С точки зрения современных юристов это право сложно назвать в полной мере «живым», так как по своей сути оно так и осталось на уровне провозглашения, ведь в случае необходимости нет никаких правовых механизмов, способов реализации данного права, отсутствуют законодательная практика

¹ Томсинов В. А. «Славная революция» 1688—1689 годов в Англии и Билль о правах : учебное пособие. М., 2015. С. 15.

² См.: Лафитский В. И., Жидков О. А. Соединенные Штаты Америки : Конституция и законодательные акты / пер. с англ. ; сост. В. И. Лафитский ; под ред. и вступ. ст. О. А. Жидкова. М., 1993.

³ См.: Французская Республика : Конституция и законодательные акты : сборник / пер. с фр. ; сост. В. В. Маклаков, В. Л. Энтин ; под ред. и со вступ. ст. В. А. Туманова. М., 1989.

и правовой прецедент. Право признается, но не гарантируется.

Данное право появляется в трудах, посвященных социальным утопиям, и в полной мере получает возможность развернуть свой потенциал в работах философов XVII—XVIII вв., идеи которых впоследствии легли в идеологическую основу Буржуазной революции во Франции. Так, например, Дж. Локк в своем знаменитом произведении «Два трактата о правлении» относит право на восстание к естественным правам человека: «Если правительство работает не для людей, то оно не имеет оснований продолжать свою деятельность, и людям будет лучше без него, в естественном состоянии (state of nature)»⁴.

Томас Гоббс считал, что для свершения революции нужно лишь четыре составляющих: «число, орудия, взаимное доверие и вожжи», и к этим четырем столпам, благодаря сочетанию которых, по Гоббсу, возможно свершение революционных действий, можно добавить еще ведущую идею, подкрепленную чувством несправедливости действительности. Это то, что может довольно долго зреть на подсознательном уровне, но так и не реализоваться в случае отсутствия проводника как пускового механизма данных процессов в социуме. В современном демократическом мире государственная власть уже не может себе позволить такую роскошь, как отрицание действительности и изоляцию от своего народа и его чаяний, ведь из истории многих великих держав, бывших когда-то империями, мы знаем, что это чревато крайне радикальными последствиями для самой власти.

В России отношение к революции изначально складывалось крайне негативное, подтверждением этому может послужить реакция императрицы Екатерины II на начавшуюся революцию во Франции: «Мы не должны предать добродетельного короля в жертву варварам. Ослабление монархической власти во Франции подвергает опасности все другие монархии...

Пора действовать и приняться за оружие для устрашения сих беснующихся»⁵.

Россия имеет богатую политико-правовую историю: менялись как форма правления, так и форма территориального устройства, отношение к идеологии, к религии, к социуму. Можно сказать, что, несмотря на нашу культурную самобытность, государство довольно длительное подбирало идеальную модель государственного устройства, периодически с оглядкой на западные государства. Подвергшись европейским тенденциям либеральной моды того времени, которые уже пережили страны Запада, наша страна прошла через тяжелую встряску революцией. Однозначную оценку тем событиям сложно дать и по сей день. Аллегорично можно лишь сравнить с тем, что делает ураган с высоким, но сухим деревом: одним порывом его резко качнуло в одну сторону, затем в другую, после чего оно расщепилось надвое. То же самое произошло и со страной, и с социумом. Историки, политологи, юристы, философы, занимающиеся этим вопросом, до сих пор делят историю, законодательство, политическую систему на «до» и «после», что уже является отражением того, что революция не может изменить строки истории, не стерев ее.

Правовой аспект изучаемой темы обладает безусловной важностью, и обращение к опыту Русской революции 1917 г. показывает актуальность правового измерения проблемы. Так, представители либеральной интеллигенции были убеждены в том, что через революционный протест можно прийти к демократии, свободе, утверждению конституционализма и прав человека. Глубокий взгляд на причины революционных изменений в России мы видим и в творчестве великого русского мыслителя И. Ильина, который обозначил «актуальную проблему качественного состояния правосознания народа»⁶. В свой «докритический» (назовем его так) период во время начального периода

⁴ URL: <http://johnlocke.wallst.ru/second-treatise-of-government/chapters-18-19/> (дата обращения: 7 июля 2017 г.).

⁵ Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М., 1892. С. 352.

⁶ Гаман Л. А. И. А. Ильин о революции 1917 года в России // Вестник ТГПУ. Вып. 3 (66). Сер. : Гуманитарные науки (история, археология, этнология). 2007. С. 131.

революции Ильин взаимосвязывает революцию и изменение правосознания. Согласимся, что правосознание как способность осмысливать, оценивать и воспринимать право в качестве неотъемлемого атрибута общественно-гражданского бытия является важнейшим основанием правопорядка в обществе и государстве.

Согласно И. Ильину революция понимается «в качестве общенациональной формы борьбы за справедливый правопорядок, полагая, что ее основной задачей являлось цивилизованное переформатирование российской политической системы»⁷. Элиминация духовного смысла из таких, безусловно, важных идей, как «республика», «демократия», закладывает риски выхолащивания, формализации социальных отношений. Лишенные духовно-религиозного смысла, имеющего принципиально важное значение для формирования конструкции социального порядка в целом, и правового в частности, такие идеи становятся основой для необратимых изменений и «революционность... утрачивает свое былое содержание, определявшееся сначала целью права; она становится сплошным отрицателем»⁸.

События с февраля по октябрь 1917 г. следует воспринимать как единый процесс, содержание которого можно выразить в следующих характеристиках.

Во-первых, отсутствовала необходимая институциональная база как нормативно-организационная структура, способная кристаллизовать революционно-либеральный романтизм в устойчивые конструкции. Либерализация общества как идеологический фундамент Февральской революции не смогла институализироваться, и механизмы, запущенные революционным процессом, остались романтическим порывом. В то же время было осознание важности правовых изменений. Правовой аспект был

обозначен в качестве неотложной меры — «в кратчайшие сроки создать правовое поле деятельности власти, издать законы, понятные массам, вплоть до чрезвычайных, и обеспечить их настойчивое и решительное проведение»⁹.

Во-вторых, и это взаимосвязано с предыдущим пунктом, был недостаточно высокий уровень доверия народа к новой власти, которая оказалась неспособной к подобной институциональной трансформации, и выданный обществом кредит доверия растворился в нереализованном потенциале свободы.

Постфевральский период характеризуется формированием квазидемократических институтов, когда демократические достижения были демонтированы реверсом революционного транзита. Как отмечает Б. Н. Миронов, «февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его полным фактическим утверждением. Не случайно и правительство являлось временным, и парламент — предпарламентом. Определить правовой статус и превратить новый режим в легитимный должно было Учредительное собрание, но оно собралось слишком поздно и было безрезультатным — большевикам удалось его разогнать»¹⁰.

Новая власть — это новые законы, в которые должны превращаться, согласно «кодексу революции», идейно-идеологические призывы революционного периода. Важнейшая задача власти — обеспечение легитимности как главного ресурса, а легитимность, в свою очередь, является следствием полученного доверия общества. Народная поддержка значительно возрастает после принятия II Всероссийским съездом Советов, без преувеличения можно сказать — определяющим для правовой истории страны — Декретов «О мире» и «О земле», «Об образовании Рабочего и крестьянского пра-

⁷ Ильин И. А. О сроке созыва Учредительного собрания // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М., 1999. Т. 5. С. 80.

⁸ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 4. С. 353.

⁹ Чертищев А. В. Революция: возможности и реальность сдерживания // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сборник научных статей (к 95-летию Февраля — Октября 1917 г.) / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М. : АПР, 2012. С. 285.

¹⁰ Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2012. С. 566.

вительства». Формирование политической архитектуры было продолжено в лице созданных органов — Временного рабочего и крестьянского правительства — Совета народных комиссаров, Центрального исполнительного комитета, осуществившего за два месяца большую работу в области законодательства. Выстраивание нового политического порядка проявлялось на примере утверждения Декрета СНК «О печати», принятого самостоятельно, несмотря на существовавший за ним контроль со стороны Центрального исполнительного комитета, и запрещавшего «все контрреволюционные органы прессы, к которым были отнесены газеты, призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и крестьянскому правительству, что являлось... первостепенной и необходимой мерой для установления нового строя»¹¹.

Происходила критика левыми эсерами самостоятельности ЦИК и практики декретирования законов, лишенной широкого обсуждения и имевшей недостатки как с внешней стороны, так и с позиции правового содержания. Это было отнесено В. Лениным, Л. Троцким к ненужным формальностям и пережитым парламентским механизмам. Декретирование соответствовало чаяниям народа, находило большую поддержку у народных масс, а механизмы законодательного процесса, которые транслировались из прошлого, объявлялись гораздо менее значимыми. Приоритетом выступала правоприменительная практика, сформированность и устойчивость правосознания, и это революционное правосознание и революционная совесть являлись краеугольным камнем революционной законности, и «при наличии правовых пробелов активно использовались принцип революционного правосознания, либо судебная практика народных судов и революционных трибуналов»¹².

В духе марксистско-ленинской теории государства и права, следовавшей из философии марксизма, отмечалось, что «целесообразность должна господствовать над формой права, и судебные работники должны проверять соответствие законов жизни»¹³. Можно утверждать о формировании недоверия к праву как буржуазному наследию, право ассоциировалось с буржуазным явлением, эксплуататорским по своей сути. Отмечались ненаучность юридического мышления и права (В. В. Адоратский), и то, что законы, препятствующие советскому строительству, можно не применять (А. Сольц), а сами нормы права выводились из марксистской философии.

Отметим, что нормы социалистического права — законы, декреты, не только легализовывали и оформляли право, но и были инструментами в борьбе с классово-идеологическим противником. Особенность постоктябрьского периода, сближающая его с периодом, например, после событий 1905 г., состоит в том, что сама правотворческая процедура не была определена прописана в существующих на тот момент нормах.

В законодательстве Российской Федерации право на революцию прямо не отражено, но в то же время в Конституции РФ 1993 г. в ст. 3 говорится о том, что «носителем суверенитета и единственным источником власти является народ», а также в ч. 4 ст. 15 указано, что: «в Российской Федерации признаются общепризнанные принципы и нормы международного права». В соответствии с этим Всеобщая декларация прав человека, принятая ООН в 1948 г., имеет свою юридическую силу и на территории России. В преамбуле данного документа указано: «Чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения»¹⁴.

¹¹ Максимова О. Д. Законотворчество в советском государстве в 1917—1936 годах : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 29.

¹² Ревина С. Н., Головина Е. В. Об особенностях правотворческой деятельности в РСФСР в первые годы советской власти // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2 (15). С. 40.

¹³ Сольц А. О революционной законности // Известия ВЦИК. 1924. 24 нояб.

¹⁴ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 7 июля 2017 г.).

Тема права на революцию довольно сложна. Законодатели в первую очередь опасаются затруднения в дифференцировании, а точнее, того, что под правом на революцию как крайнюю меру защиты своих естественных прав может скрываться экстремистская деятельность, что совершенно недопустимо. Следует добавить, что революция по своей природе ближе к стихии, а разве стихию можно подчинить закону? Какие бы модели ни описывали ученые-юристы, прогнозировать что-либо доволь-

но сложно, каждая из множества революций проходила по своему уникальному сценарию. История знает «бархатные», «цветные», буржуазные революции для сохранения старых устоев и для свержения прежнего порядка. Все это индивидуально складывается в зависимости от времени, места, культурных традиций и обычаев, менталитета, религии, силы влияния идеологии, правовой грамотности, социального расслоения, готовности общества к переменам и потрясениям.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Безобразов П. В.* О сношениях России с Францией. — М., 1892. — 472 с.
2. *Гаман Л. А. И. А. Ильин о революции 1917 года в России // Вестник ТГПУ. — 2007. — Вып. 3 (66). — Серия : гуманитарные науки (история, археология, этнология). — С. 131—136.*
3. *Ильин И. А.* О сроке созыва Учредительного собрания // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. — М., 1999. — Т. 5.
4. *Ильин И. А.* О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. — М., 1994. — Т. 4.
5. *Лафитский В. И., Жидков О. А.* Соединенные Штаты Америки : Конституция и законодательные акты / пер. с англ. ; сост. В. И. Лафитский ; под ред. и со вступ. ст. О. А. Жидкова. — М. : Прогресс-Универс, 1993. — 766 с.
6. *Макимова О. Д.* Законотворчество в советском государстве в 1917—1936 годах : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2015. — 484 с.
7. *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. — М., 2012. — 844 с.
8. *Ревина С. Н., Головина Е. В.* Об особенностях правотворческой деятельности в РСФСР в первые годы советской власти // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2011. — № 2 (15). — С. 40—44.
9. *Сольц А.* О революционной законности // Известия ВЦИК. — 1924. 24 нояб.
10. *Томсинов В. А.* «Славная революция» 1688—1689 годов в Англии и Билль о правах : учеб. пособие. — М. : Зерцало-М, 2015. — 256 с.
11. *Французская Республика : Конституция и законодательные акты : сборник / пер. с фр. ; сост. В. В. Макалов, В. Л. Энтин ; под ред. и со вступ. ст. В. А. Туманова. — М. : Прогресс, 1989. — 445 с.*
12. *Чертищев А. В.* Революция: возможности и реальность сдерживания // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сборник научных статей (к 95-летию Февраля — Октября 1917 г.) / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. — М. : АПР, 2012. — С. 264—290.

Материал поступил в редакцию 1 июня 2017 г.

THE RULE OF LAW AND REVOLUTIONARY SOCIETY IN 1917: POLITICAL AND LEGAL ASPECTS

VOLODINA Svetlana Vyacheslavovna — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Lana1331@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The article devoted to the 100 anniversary of the Revolution in Russia examines political and legal aspects of transformations that took place at that time. The relevance of the publication is determined by the need to analyze the effects of mutual influence of changing consciousness of the community, increased legal literacy of the population, negative evaluation of law enforcement practices and the risks of revolutionary processes. The article attempts to lay a foundation for interrelation between law and revolution. Could the revolution at all be within the legal field and, if these two categories are mutually exclusive, why is mutual influence between them so strong? Also, the work touches on the problem of the society in times of political and legal upheaval that is accompanied by revolutionary upsurge and, as a rule, overstatement of creditworthiness, which is directly associated with accumulated fatigue from previous regimes. This construction, namely: law, revolution, society – is considered by the author not only on the basis of the 1917 Russian Revolution, but also in view of extensive foreign revolutionary practice.*

Keywords: *Law, law and order, Revolution, natural rights, society, political system, trust.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Bezobrazov P. V.* O snoshenijah Rossii s Franciej. — M.1892. — 472 s.
2. *Gaman L. A. I. A.* Il'in o revoljucii 1917 goda v Rossii // Vestnik TGPU. — 2007. — Vyp. 3 (66). — Serija : gumanitarnye nauki (istorija, arheologija, jetnologija). — S. 131—136.
3. *Il'in I. A.* O stroke sozyva Uchreditel'nogo sobranija // Il'in I. A. Sobr. soch. : v 10 t. — M., 1999. — T. 5.
4. *Il'in I. A.* O sushhnosti pravosoznanija // Il'in I. A. Sobr. soch. : v 10 t. — M., 1994. — T. 4.
5. *Lafitskij V. I., Zhidkov O. A.* Soedinennye Shtaty Ameriki : Konstitucija i zakonodatel'nye akty / per. s angl. ; sost. V. I. Lafitskij ; pod red. i so vstup. st. O. A. Zhidkova. — M. : Progress-Univers, 1993. — 766 s.
6. *Maksimova O. D.* Zakonotvorchestvo v sovetskom gosudarstve v 1917—1936 godah : dis. ... d-ra jurid. nauk. — M., 2015. — 484 s.
7. *Mironov B. N.* Blagosostojanie naselenija i revoljucii v imperskoj Rossii: XVIII — nachalo XX veka. — M., 2012. — 844 s.
8. *Revina S. N., Golovina E. V.* Ob osobennostjah pravotvorcheskoj dejatel'nosti v RSFSR v pervye gody sovetskoj vlasti // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. — 2011. — № 2 (15). — S. 40—44.
9. *Sol'c A.* O revoljucionnoj zakonnosti // Izvestija VCIK. — 1924. 24 nojab.
10. *Tomsinov V. A.* «Slavnaja revoljucija» 1688—1689 godov v Anglii i Bill' o pravah : ucheb. posobie. — M. : Zercalo-M, 2015. — 256 s.
11. *Francuzskaja Respublika: Konstitucija i zakonodatel'nye akty : sbornik / per. s fr. ; sost. V. V. Maklakov, V. L. Jentin ; pod red. i so vstup. st. V. A. Tumanova.* — M. : Progress, 1989. — 445 s.
12. *Chertishhev A. V.* Revoljucija: vozmozhnosti i real'nost' sderzhivanija // Rossija i revoljucija: proshloe i nastojashhee sistemnyh krizisov russkoj istorii : sbornik nauchnyh statej (k 95-letiju Fevralja — Oktjabrja 1917 g.) / pod red. P. P. Marchenja, S. Ju. Razina. — M. : APR, 2012. — S. 264—290.